

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее

АЛЛА ПОЛНСКАЯ

ЧАСОВОЙ
МЕХАНИЗМ
ЛЮБВИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Полянская, Алла.
П54 Часовой механизм любви / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-183513-2

Инна сразу поняла: ее нового начальника хотят убить. Та машина явно поджидала его и стартанула, едва он шагнул с тротуара! К счастью, у Инны была хорошая реакция — она успела оттолкнуть Егора. И неважно, что он ей не поверил — все до поры до времени думают, будто у них нет врагов... Вскоре после этого Инна снова спасла Егора — на этот раз на корпоративной вечеринке, когда на нем буквально повисла Маша Данилова из отдела логистики. Избавив директора от девушки, одержимой идеей найти богатого мужа, Инна предложила подвезти Егора. Но уехали они недалеко: прямо перед капотом их машины упало тело. Это была Маша, совсем недавно намекавшая Егору, что его предшественник погиб при весьма странных обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Copyright © PR-Prime
Company, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-183513-2

Лучше быть жестоким, когда в сердце живет зло, чем ненасилием прикрывать бессилие.

Махатма Ганди

Быстрые шаги за дверью, тихие голоса, грохот металлической каталки, звяканье инструментов — все где-то там, за дверью, обычный больничный шум. Инна уже привыкла к этим звукам, как и к запаху больницы. И хотя палата, в которой она сейчас находится, оборудована с претензией на уют, больница есть больница.

— Я хочу знать, какие у нас перспективы.

Молодой врач вздохнул, и, стараясь не смотреть ей в глаза, принялся рассказывать о нервных окончаниях и прочей лабуде, но Инна хотела услышать совсем не это. Ей нужна конкретика, а не пространная научная муть, в которой она не смыслит ни аза.

— Док, вы мне по-людски можете объяснить, станет ли она когда-нибудь прежней?

— Дело в том, что я не знаю. — Доктор наконец посмотрел ей в глаза. — Наркотик нарушил некоторые связи в ее мозге, и я не могу сказать, восстановятся они или нет. Девушка долгое время жила в состоянии сильного стресса, и, возможно, она просто не хочет оттуда возвращаться.

— Откуда?

— Инна, она где-то там, внутри своего тела. И она не желает возвращаться. Кто знает, сколько времени пройдет, когда она захочет, и случится ли это вообще.

— Я бы точно не хотела, паршивое место — наш мир. — Инна старалась говорить спокойно. — Ладно, я побуду с ней немного.

— Конечно. Может, она отреагирует на ваш голос.

Инна села у кровати и посмотрела на Верочку. Бледное личико и взгляд глаз цвета неразбавленного виски, осененных длинными ресницами, — такой далекий и пустой. Инна взяла расческу и, осторожно разбирая пряди, причесала лежащую.

— Солнышко, ты должна вернуться. — Инна гладила бледные щеки Веры. — Слышишь, птичка моя, вернись ко мне, я очень соскучилась. У нас дома теперь живет очень необычный кот... помнишь, ты всегда хотела кота, а я была против, потому что это большая ответственность... ну а теперь он есть, и ты должна его обязательно увидеть. Где ты прячешься, малыш? Ты нужна мне, возвращайся, слышишь?

Аппараты, подсоединенные к телу девушки, равнодушно попискивали. Инна в отчаянии сжала ее пальцы — неужели доктор прав и сущность Веры блуждает где-то внутри ее самой и не хочет возвращаться?

— Послушай меня, детка. — Инна взяла в руки слабую ладошку с тонкими пальчиками. — Они за это заплатят. Я обещаю — они заплатят за все. Даже не сомневайся. А когда я тебе расскажу, как это было, ты вернешься ко мне.

Инна понимает, что ей пора уходить, но уйти вот так, не переговорив снова с врачом, она не может. Хотя ничего нового он ей не скажет, это понятно.

— Док, как вы думаете, мозг ее функционирует?

— Я вам уже говорил. — Врач поправил очки и прошелся по кабинету. — Она самостоятельно дышит, но не реагирует на внешние раздражители. Томограмма показала, что мозг не поврежден, и все

тесты указывают, что мозговая активность есть. Но процессы торможения, вызванные наркотиком, не дают ей вернуться. Так что это все вопрос времени, понимаете?

— Да.

— Послушайте, я знаю, как вам тяжело.

— Нет, не знаете!

— И тем не менее. У меня есть дочь, и я... мне подумать страшно, что вы сейчас чувствуете. Но вы никак ей не поможете, даже если перережете мне глотку за то, что мои ответы — не совсем то, что вы хотите услышать, я не люблю вселять в людей ложные надежды. Но, как врач и как человек, я надеюсь на лучшее, надейтесь и вы. Все равно ничего другого нам больше не остается.

Инна понимает, что зря наехала на врача, но ей нужно выплеснуть на кого-то бессильную злость, и он просто попался под руку, он это тоже понимает, и от его понимания ей становится еще хуже. Но доктор — все, что у нее есть, чтобы надежда не угасла.

— Послушайте. — Он дотронулся до ее плеча. — Мы делаем все возможное, и рано или поздно она среагирует на терапию. Я просто не могу сказать когда.

Инна кивнула. Конечно, нужно время. Ключевое слово — время, и у кого-то оно закончилось.

1

Ангел качнулся над дверью лифта и угрожающе махнул позолоченным тромбоном. Егор поморщился — праздничная мишура, призванная, по замыслу украшателей, создавать хорошее настроение, вызывала у него глухое раздражение и подспудный протест. Он не признавал этого праздничного сумасшествия, не разделял щенячьей радости оттого, что подошла некая дата, которую принято отмечать скопом — обмениваться сувенирами, место которым на помойке, устраивать корпоративные посиделки, на которых сотрудницы, плюнув на дресс-код, будут отсвечивать сиськами разной степени эстетичности и скучными ногами, а офисные мачо будут пить водку и трескать салат оливье так, словно ничего вкуснее в жизни не пробовали. И кто-то обязательно нарежется до синих слоников и примется чудить. А на следующий день все будут доедать подсохшие бутерброды и, тихо смеясь, вспоминать прошлый вечер.

Нет в этом ни смысла, ни практической пользы.

Егор вошел в лифт, на ходу расстегивая пальто. В кабине пахло духами, причем не какими-то определенными, а смесью разных — видимо, недавно ехали женщины. Егор чихнул и раздраженно хмыкнул — женщины вообще стадные существа. Выйдя из лифта, он пересек коридор и вошел в

большой холл, где располагался офис. Его кабинет находился на двенадцатом этаже в конце коридора, и, чтобы попасть туда, ему приходилось подниматься по лестнице и проходить сквозь строй любопытных женских взглядов. Как-то так получилось, что в фирме большая часть сотрудников — именно женщины. Егор вошел в приемную — там было пусто, сумка секретарши стояла на тумбочке у стола, значит, она уже пришла. Егор мельком взглянул на подоконник — так и есть, большой зеленой лейки на подоконнике не видно — видимо, Наталья вышла, чтобы набрать воды. Зачем-то ей понадобилось заводить в приемной и у него в кабинете уйму цветов, за которыми она трогательно ухаживает. Воду для полива она специально отстаивает в баке, который стоит под лестницей, ведущей на второй этаж. Егор никогда не мешал ей в этом, хочет — пусть развлекается, каждому свое.

Сняв пальто, он определил его в шкаф и мельком заглянул в зеркало — гладко выбритый подбородок, светлые глаза, короткий прямой нос. Ничем не примечательное лицо, так он всегда считал. Егор провел ладонью по коротко стриженным волосам, светлым, почти белым. Как только они хоть немного отрастают, начинают торчать во все стороны, словно иглы у дикобраза, а потому он вынужден следить за прической с особой тщательностью. Раз в две недели парикмахер стрижет его, и Егор тратит на эту процедуру почти час своего времени.

В приемной мельтешила секретарша — притащила лейку и поливала цветы. Егор знал, что сейчас на рабочих местах сотрудники включают компьютеры, дамы красят губы, кто-то включает чайник для утреннего чаепития. Так было вчера, и позавчера, и завтра будет точно так же. И ни в чем нет смысла.

— Матрица какая-то... — Егор открыл свою почту. — Наташа, кофе принеси, пожалуйста.

— Сейчас, Егор Алексеевич. — Голос секретарши совсем не вяжется с ее внешностью. Она невысокая, субтильная, а голос у нее глубокий, грудной, словно не говорит она, а песню поет. — Вам печенья принести?

— Давай и печенье, чего там.

За те два месяца, что он здесь работает, Егор уже почти привык к своему кабинету, похожему на уголок ботанического сада, и к Наталье, оценив ее пунктуальность и аккуратность. Эта работа была именно тем, что он хорошо знал и умел делать, просто раньше в его жизни был совсем другой город, другое место, другие люди. И он отчасти скучал по своей старой жизни, где все было давно и прочно налажено, но вернуть ее уже не мог. Не хотелось возвращать, чтобы не вспоминать то, что он приказал себе забыть. Он все так же плохо спал, это осталось неизменным — снотворное прочно поселилось в его шкафчике в ванной, и переезд ничего не изменил.

— Ваш кофе, Егор Алексеевич.

Наталья поставила перед ним небольшой поднос с белой керамической чашкой и таким же белым кофейником, полным отличного кофе. На тарелочке горка печенья, оно явно домашнее.

— Печенье сама пекла?

— Ага. — Наталья поправила салфетки. — Своим мальчишкам сегодня утром затеялась, они у меня любят свежее печенье, и как-то много получилось, решила на работу взять, вас угостить. Кушайте, Егор Алексеевич.

Прежняя его секретарша ничего не пекла. Она забывала отправить почту, путала документы, гру-